
ФОЛЬКЛОРИСТИКА

ПОВЕСТВОВАТЕЛЬНЫЙ ФОЛЬКЛОР

УДК 398.22; 398.221; 398.224
DOI DOI 10.25205/2312-6337-2023-4-107-115

Содержательно-структурные особенности эпических произведений русских хори-бурят

Б.-Х. Б. Цыбикова

*Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН,
Улан-Удэ, Россия*

Аннотация

Статья посвящена выявлению содержательно-структурных особенностей улигеров восточно-бурятской традиции. Впервые анализируются композиционные элементы хоринских эпических произведений: тема, сюжет, мотивы. Доминантной единицей повествовательного полотна эпоса признается тема, вокруг которой развивается сюжет, состоящий из совокупности мотивов. Предпринята попытка охарактеризовать сюжетно-мотивные единицы, реализуемые в улигерах русских хори-бурят, в контексте основного повествовательного ядра: поиск суженой / похищенной жены и сватовство / прохождение повторных испытаний. Прослежены функции наиболее типичных для рассматриваемой традиции мотивов, важных для раскрытия темы и развития сюжета.

Ключевые слова

эпос, тема, сюжеты, мотивы, хори-бурятские улигеры

Для цитирования

Цыбикова Б.-Х. Б. Содержательно-структурные особенности эпических произведений русских хори-бурят // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2023. № 4 (вып. 48). С. 107–115. DOI 10.25205/2312-6337-2023-4-107-115

Content-structural features of epics of Hori Buryats of Russia

B.-Kh. B. Tsybikova

*Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences,
Ulan-Ude, Russian Federation*

Abstract

This article examines the plot-compositional structure of uligers, epics of Hori Buryats. The composition of Hori Buryat uligers is centered on a primary epic core that forms the basis of the plot for each text. The events in these texts are organized into semantic blocks, each comprising motifs or sets of motifs. The content-structural features of

© Б.-Х. Б. Цыбикова, 2023

ISSN 2312-6337
Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2023. № 4 (вып. 48)
Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia. 2023. No. 4 (iss. 48)

the epics are characterized by analyzing the sources from the eastern regions of Ethnic Buryatia. Emphasis is placed on the local peculiarity of uligers of Hori Buryats of Russia, with fewer records of the Eastern Buryat texts compared to the Western Buryat epics. An attempt is made to identify the plot-motif units used in the Hori uligers in the context of the main narrative core. These are the search for a betrothed or kidnapped wife and the process of matchmaking or passing repeated tests. Systematizing and describing the plots and motifs of the Hori Buryat uligers required the identification of the concept of “epic motif.” According to the theoretical judgments of scholars, a motif is the smallest narrative unit that serves a specific function in the plot development and has its own semantics within the implementation of the narrative outline of the epic tradition. The plot is formed by combining different motifs. The plot is defined as a certain model combining different motifs.

Keywords

epic, subject, plots, motifs, Hori Buryat uligers

For citation

Tsybikova B.-Kh. B. Soderzhatel'no-strukturnye osobennosti epicheskikh proizvedeniy rossiyskikh khori-buryat [Content-structural features of epics of Hori Buryats of Russia]. *Yazyki i fol'klor korennykh narodov Sibiri* [Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia]. 2023, no. 4 (iss. 48), pp. 107–115. (In Russ.). DOI 10.25205/2312-6337-2023-4-107-115

Введение

В настоящее время существует устоявшаяся классификация бурятских улигеров: эхирит-булагатский, унгинский, хоринский эпос. Наиболее изучена фольклористами западно-бурятская эпическая традиция по сравнению с улигерами хори-бурят.

Для характеристики и анализа эпических произведений, отнесенных в статье к восточно-бурятской традиции, привлечены тексты, записанные на территориях современного расселения хори-бурят: в Еравнинском, Хоринском, Кижингинском, Мухоршибирском, Бичурском районах Республики Бурятия и в Агинском Бурятском округе Забайкальского края, где дисперсно проживают представители восьми (из одиннадцати) родов хоринских бурят. Нам приходится уточнить, что речь идет об эпосе «российских» хори-бурят, потому что хори-буряты проживают анклавной группой еще во Внутренней Монголии Китая и в нескольких приграничных с Россией аймаках Монголии.

Исследователями подчеркивается ограниченное количество записанных эпических текстов восточных бурят по сравнению с западно-бурятскими эпопеями. Редкие фиксации текстов в период активного бытования эпоса могут быть объяснены локальными особенностями художественно-стилевой традиции, отличающейся от западно-бурятской. Дело в том, что улигеры хори-бурят, по утверждению большинства бурятских эпосоведов, являются лаконичными по объему (до трех тысяч строк) по сравнению с эхирит-булагатскими и унгинскими эпическими произведениями, достигающими до десятка и более тысяч строк. Кроме того, они бытуют в основном в смешанной стихотворно-прозаической форме, что не характерно для тех же западно-бурятских улигеров, исполняющихся исключительно в стиле стихотворных эпопей. Во-вторых, с распространением тибетского буддизма среди монгольских народов, в том числе хори-бурят, буддийское духовенство стремилось искоренить исконную религию бурятского этноса – шаманизм, и ламы запрещали исполнение эпоса и принуждали носителей традиции отказаться от практики сказывания улигеров. Это привело к процессу угасания традиции исполнения эпических произведений, содержащих в своей основе архаические смыслы и мифологические представления. Таким образом, в восточных регионах этнической Бурятии вытеснялись крупные улигерные жанры: «Ламаизм, проникший в конце XVII и в начале XVIII века в Забайкалье, отрицательно повлиял на развитие и распространение улигеров хоринских бурят» [Хундаева, 1999, с. 32]. Наиболее негативные последствия имел запрет на исполнение знакового эпического произведения устного творчества бурят «Гэсэра», пронизанного шаманистским мировоззрением. Так, в силу сложившихся социокультурных условий, был существенно сужен эпический репертуар хори-бурят. А в сохранившиеся традиционные эпические сюжеты хоринских бурят стали проникать ламаистские элементы в отличие от эпоса предбайкальских бурят, которые в значительно меньшей степени испытали влияние буддизма.

Материал и цель исследования

Целью данного исследования является характеристика сюжетно-мотивного фонда улигеров российских хори-бурят, выявление значимых функциональных единиц, реализуемых в хоринском эпосе для раскрытия его основных тем. Для выявления содержательно-структурных особенностей эпиче-

ских произведений восточных регионов этнической Бурятии проанализированы опубликованные записи ученых и отдельных собирателей устного народного творчества дореволюционного периода и советского времени. Это зафиксированные Ц. Жамцарано в 1908 г. от хори-бурятского сказителя Базара Галданова два улигера: «Хэедээр Мэргэн» («Хэедэр Мэргэн») [Улигеры хори-бурят, 1988, с. 22–82] и «Мэньелтэ Мэргэн» («Мэньелтэ Мэргэн») [Мэньелтэ Мэргэн, 1984, 144 с.]. Привлечены для сравнительного анализа три текста: «Лодой Мэргэн», «Шоролтор Мэргэн», «Убгун Жибжэн», – записанные А. Д. Рудневым в 1911 г. от Галана Ниндакова [Руднев, 1913, с. 1–29, 30–39, 40–41]. Рассмотрены два произведения в исполнении А. М. Степанова, записанные в 1941 г. в Бичурском районе Бурятии: «Арбан табан насатай Абаадай Мэргэн» («Пятнадцатилетний Абаадай Мэргэн»), «Арбан табан насатай Алтан Ганшуудай» («Пятнадцатилетний Алтан Ганшудай») [Намжилова, 1997, с. 85–98, 99–120]. Использован улигер «Хулдай Мэргэн», исходный вариант которого был записан Д. Черниновым, Г. Чимитовым от местного знатока устного творчества, услышавшего его в свое время от своего земляка, знаменитого улигершина из Мухоршибирского района Бурятии [Хулдай Мэргэн, 1958, 176 с.]. Привлечены опубликованные востоковедом П. Б. Балданжаповым улигеры, записанные им в Агинском округе Забайкальского края: «Боро соохор моритой Боронтуу Мэргэн» («Боронтуу Мэргэн на серо-пестром коне»), «Зугы Мэргэн хаанай Мижэд хүбүүн» («Мижэд – сын Зугы Мэргэн хана») [Агын үльгэрнүүд, 1961, с. 9–45, 46–100]. Проанализирован улигер «Нүгэлтэ нюсэгэн Гургуули, али Тэгэс Тэлдэр хаанай хүбүүн Цэдэндамба» («Грешный голый Гургули или Цэдэндамба – сын Тэгэс Тэгэлдэр хана»), который был записан в 1961 г. в Ононском районе Забайкальского края сотрудниками Бурятского института общественных наук Ц.-А. Н. Дугар-Нимаевым, Г. О. Туденовым, Ц. Р. Галановым [Улигеры хори-бурят, 1988, с. 146–173]. Кроме того, впервые вводятся в научный оборот улигерные тексты, находящиеся в Общем архивном фонде Центра восточных рукописей и ксилографов ИМБТ СО РАН (сокращенно: ОАФ ЦВРК ИМБТ СО РАН). Это материалы фольклорных экспедиций, участниками которых были зафиксированы восточно-бурятские эпические повествования на территории Бурятии в разные годы: в Еравнинском районе – в 1937 и 1957 гг., Бичурском районе – в 1955 г., Хоринском районе – в 1957 г.

Сюжетно-мотивный фонд улигеров российских хори-бурят

Структурные единицы эпического текста представляют собой его смысловые блоки, составляющие композицию как схему построения улигерного произведения. Доминантной единицей повествовательного полотна эпоса признается тема, которая «развертывается в нарративе посредством фабульно выраженных мотивов» [Силантьев, 2004, с. 86]. Вокруг этого функционального элемента эпического произведения (темы) развивается сюжет. Как известно, сюжет представляет собой определенную модель, состоящую из совокупности различных мотивов, а под мотивом мы подразумеваем, вслед за А. Н. Веселовским, «элемент сюжета», «слагаемый сюжета» [Веселовский, 2006, с. 539].

Анализ улигеров российских хори-бурят выявил, что основным стержнем, вокруг которого развивается сюжетная линия, является тема женитьбы главного героя, характерная для традиционного архаического эпоса. И наиболее развитой и устойчивой практикой реализации большинства хоринских улигеров для раскрытия значимой темы – матримониальной – следует признать разработку сюжета о героическом сватовстве и женитьбе на небесной деве, дочери владыки неба – тэнгрия. События, разворачивающиеся до отправления героя за суженой, преодоление им различных препятствий для достижения цели, приключения, которые случаются с ним и его невестой на обратном пути домой, являются связанными с главной сюжетной линией композиционными элементами, составляющими фабулу улигерного повествования. Кроме того, довольно четко разрабатывается охотничья тема, собственно, с нее и берет начало сюжетное развитие большинства хоринских улигеров, завязкой служит исчезновение зверей на территории героя, из-за чего он отправляется в чужие земли в поисках зверья. В некоторых хоринских текстах исходной точкой развития событий служит тема очага, когда сестра нарушает строгий наказ брата постоянно поддерживать огонь.

Улигеры российских хори-бурят по сюжетной структуре своей далеко не однородны. Некоторые из них, таковых меньшинство, состоят из одного законченного сюжета, другие представляют собой цепь из нескольких связанных друг с другом сюжетных рядов. Базовым сюжетом в них является героическое сватовство главного действующего лица эпоса. Стабильными улигерными компонентами для его развертывания служат следующие сюжетные звенья: согласие хана выдать дочь после успеш-

ного прохождения испытаний героем; оставление по возвращении домой невесты в пути для подготовки к ее прибытию; опустошенный после нападения мангаса родительский очаг; отправка за родителями: узнавание ими сына по метке на спине; возвращение домой; свадьба.

Сюжетно-мотивные единицы, как показал анализ, реализуются в эпосе хори-бурят в контексте основного повествовательного ядра – поиск суженой / похищенной жены и сватовство / прохождение повторных испытаний. При систематизации и более подробном описании сюжетов и мотивов улигеров хоринских бурят, составляющих содержательно-структурные элементы улигерных произведений, неизбежно возникает необходимость конкретизации понятия «эпический мотив». При их рассмотрении мы основывались на теоретических разработках отечественных исследователей категории мотива. «Под мотивами, – писал А. Н. Веселовский, – я разумею простейшую повествовательную единицу, образно ответившую на разные запросы первобытного ума или бытового наблюдения» [2006, с. 538]. По теории Б. Н. Путилова, «эпический мотив – один из элементов сюжетной схемы» [1975, с. 140]. С. Ю. Неклюдов считает: «Мотив – это данность фольклорного произведения, именно та содержательная единица, которой оперирует сама устная традиция» [2004, с. 241], «мотив может рассматриваться не только как составная часть сюжета, но и как его эмбриональная функция» [Там же, с. 240], мотивы – это «минимальные с сюжетно-семантической точки зрения фрагменты» [Там же]. По мнению И. В. Ершовой, основанием для вычленения мотива в героическом эпосе служат «минимальность, предикативность, связь с событием» и его «закрепленность на формульном уровне» [2017, с. 14]. И. В. Силантьев, рассмотрев разные подходы по осмыслению понятия «мотив», дает следующую трактовку: это «а) эстетически значимая повествовательная единица, б) интертекстуальная в своем функционировании, в) инвариантная в своей принадлежности к языку повествовательной традиции и вариантная в своих событийных реализациях, г) соотносящая в своей семантической структуре предикативное начало действия с актантами и пространственно-временными признаками» [2004, с. 96]. Таким образом, мотив является минимальной повествовательной единицей, необходимым компонентом сюжета, выполняющим определенную функцию в его развитии и имеющим свою семантику при реализации повествовательной канвы эпоса в рамках традиции. И сюжет представляет собой определенную модель, состоящую из совокупности различных мотивов. Придерживаясь утверждения Б. Н. Путилова о том, что «сюжет складывается по законам жанра, его грамматики, языка; каждый жанр обладает своим сюжетным фондом» [2003, с. 200], рассмотрим содержательно-структурные особенности улигеров хори-бурят.

Изучение функциональных значений мотивов хоринских улигеров позволяет раскрыть внутренний смысл эпического произведения. При анализе комплекса выявленных мотивов по их функциональной роли в сюжетной схеме улигерных произведений установлено несколько групп мотивов:

1. Сюжетообразующие мотивы.
2. Мотивы, выполняющие «сугубо формальную» функцию – «сцеплять сегменты сюжета между собой, сопровождать основные сюжетообразующие мотивы и заполнять сюжетное повествование» [Ершова, 2017, с. 18].
3. Мотивы семантически значимые, вызывающие «дополнительные повороты или витки сюжета» [Ершова, 2017, с. 18].

Сюжетообразующие мотивы

Наиболее характерный сюжетообразующий мотив восточно-бурятских улигеров – это мотив превращения лебеди в девушку, женитьба героя на ней. Подобным образом обосновывается правомерность существующего мифа-легенды хори-бурят, ведущих свою родословную от праматери-лебеди: *хун шубуун гарбалтайб* ‘род мой от птицы-лебеди’. Кроме этого, общепобурятский мотив оживления героя в улигерной традиции восточных бурят разрабатывается исключительно в контексте животворящей роли небесной девы, наделенной воскрешающей, исцеляющей способностью.

Мотив испытания героя – стержневой мотив при добывании невесты. Узловые моменты композиционного строя улигеров при реализации этого мотива следующие: отправление за суженой, участие в различных состязаниях, добывание невесты, свадьба. Так, эпический батор отправляется за избранницей – дочерью Наран-хана, успешно проходит состязания, одерживает победу в трех турнирах за руку ханской дочери и женится на ней. С мотивом испытания героя априори связан присущий не только восточно-бурятским улигерам, но и всей бурятской эпике, мотив традиционных состязаний,

так называемых «трех игрищ мужей». Он используется в эпосе для демонстрации боевых качеств силы, меткости, ловкости, мобильности батора. Кроме этого, с мотивом преодоления героем препятствий органически связан мотив превращений, с наибольшей частотностью встречаются превращения героя в неказистого сопливца / пастуха, коня – в обгорелого / серого лончака¹.

Формальные мотивы

К формальным можно отнести несколько мотивов, один из которых – мотив оставления героем дома предмета, являющегося индикатором его состояния в походе. В качестве такого объекта могут выступать разные вещи, к примеру, напильник, который будет сигнализировать о благополучии / неблагополучии героя: если с ним удача и победа, то все зазубрины остаются острыми; если герой будет побежден врагом, они затупятся, покроются ржавчиной; если смерть настигнет – напильник разломится надвое.

К архаическим чертам улигерных произведений хори-бурят относится часто присутствующий в улигерах и сказках мотив усыпления путем облизывания пятки ханской дочери / ханской жены / хана, относящийся к одному из соматических кодов, подчеркивающих социальный статус персонажа, по отношению к которому предпринимается действие.

К числу формальных мотивов, употребляемых в восточно-бурятских улигерах, относим мотив исполнения колыбельной песни, из текста которой герою становится известно о родном племяннике: брат положил погибшую сестру в сундук, подвесил на рога лося; семья бедняков находит сундук с девушкой, оживление ее; женитьба их сына на ней; узнавание героем племянника по песне, исполненной бабушкой. Отмечен специфический мотив, связанный с определением половой принадлежности персонажа: девушке, скрывающей свой пол и заподозренной в том, что она не парень, удалось не обнаружить себя – следуя совету коня, она подвесила в причинном месте серого гуся. Этот мотив, присутствующий не только в анализируемых улигерах, но и в бурятских сказках, также относим к окказиональным мотивам. Указанные мотивы имеют константный характер и существенно не влияют на динамику развития повествовательной структуры эпоса, они важны в целом как художественно-поэтический ресурс.

Семантически значимые мотивы

Мотивами, вызывающими дополнительное развитие сюжета, являются те мотивы, которые определяют изменение сюжетной ткани эпоса. В группе таких мотивов важное место занимает мотив коня. В эпике тюрко-монгольских народов конь играет, наряду с улигерным батором, ведущую роль и является значимой единицей в эпико-легендарном сюжетосложении. Во всех бурятских улигерах, в том числе хори-бурятских, реализуется мотив преданного коня. По боевым качествам богатырский конь соотносится с решительными, доблестными качествами эпического героя. Кроме того, в проанализированных хоринских текстах конь, сопровождающий хозяина с рождения до его смерти, выступает в качестве средства передвижения, провидца, советчика, инициатора воскрешения героя. Преданный конь является своего рода дежурным стражником, готовым оказать любую помощь хозяину (предугадывать надвигающуюся беду, разбудить его вовремя, предостеречь от чрезмерной доверчивости и наивности и т.д.). Традиционны и стабильны мотивы состязания коня героя с другими скакунами. Конные скачки выявляют лучшего скакуна, равного по скорости и ловкости доблестному батору, подчеркивают единство эпического богатыря и его коня. Как справедливо пишет Р. С. Липец, конь «не только участник походов, помогающий своему хозяину добиться победы. Конь в эпосе покровитель и руководитель хозяина, превосходящий его в даре предвидения, скорости реакций в сложных ситуациях, обладающий твердой волей, подчиняющей себе всадника в минуты, когда тот проявляет слабость. Даже в чувстве долга он иногда стоит выше, чем героический батыр. Такова эта пара, созданная гением коневодческих народов на заре раннеклассового общества» [Липец, 1984, с. 124–125].

Событийная ситуация улигерного повествования изменяется введением мотива вторичного рождения героя в образе младенца, оказавшегося брошенным в море.

¹ Лончак – годовалый конь.

Стратегия действий героя может также измениться с введением мотива чудесных помощников, как то: кнут, ударом которого герой сделал себе проход в море; череп, подсказавший, какие предпринять действия, чтобы окончательно добиться успеха.

Встречающийся в хоринских улигерах мотив разоренного врагом дома и хозяйства героя / родителей способствует дополнительному развитию сюжета, когда герой совершает новый поход для освобождения своих близких. И для дальнейшего продвижения сюжетной линии важна реализация мотива подсказки добрых советчиков и значима роль волшебных предметов. В сюжетике хори-бурятских улигеров продуктивен также мотив помощи и подсказки суженой героя, которая предупреждает, что он должен предпринять, чтобы преодолеть ожидающие его трудности, предотвратить / упредить коварство противника; кроме этого, она всячески способствует опознаванию, узнаванию ее с помощью кольца после вынужденной разлуки с ним.

Сюжетная композиция хори-бурятского эпоса может наращиваться разработкой мотива неверной жены. В отсутствие героя его жена вступает в сговор с неприятелем / чужаком, и, притворившись больной, она отправляет мужа за черной водой и рогом однорогого изюбра. Примечательно, что поиск и добывание вечной воды и рога изюбра предполагают в улигерном повествовании обречение героя на верную смерть. Тем самым последовательность событийного ряда усложняется, герой преодолевает множество трудностей, чтобы избежать гибели, и достигает цели. Во время поединка между вернувшимся домой мужем и его противником выздоровевшая от простой воды (вечная вода заранее заменена доброй помощницей героя) жена всячески способствует тому, чтобы ее муж потерпел неудачу, в результате герой проваливается в пропасть. И это служит оживлению сюжета: в активную форму действий включается конь и уговаривает девушку, подменившую воду, оживить вечной водой его хозяина, и т.д.

Указанный мотив мнимой болезни жены взаимосвязан с другим мотивом – мотивом осквернения предмета мужа для подавления его физических ресурсов. Оказывая всякое пособничество отрицательному персонажу, жена оскверняет золотой кубок мужа, пропустив меж ног, чтобы исчерпать его жизненную силу. Мотив осквернения предмета мужа, в данном тексте – золотого кубка, связан, возможно, с тем, что женское чрево / лоно, по мнению древних людей, является нечистым местом, низменным локусом, как темная пещера, таящая в себе опасность, угрозу. Таким образом, в эпическое полотно подключаются дополнительные действующие лица, расширяя его сюжетную канву: оживление героя, женитьба на девушке, оказавшей ему немало полезных услуг.

Присутствие мотива коварства жестоких братьев, вытянувших главную артерию главного героя и бросивших его в пропасть, обуславливает дальнейшую динамику сюжетной структуры, когда предпринимаются активные действия справедливого богатыря, вознамерившегося наказать лживых, злобных персонажей.

Наблюдается усложнение сюжета за счет введения дополнительного мотива – оставления в пути своей невесты, когда герой, прибыв домой раньше, намерен подготовиться к ее приему. В это время она похищена / возвращена обратно. Так развивается новая коллизия, когда герою приходится вновь отправляться в путь, чтобы освободить ее.

Углубляет сюжет реализация мотива белой птицы-ведуньи, указавшей герою, где ему следует охотиться, чтобы иметь богатую добычу. За оказанную услугу она просит, чтобы его сын женился на ней. Отправившийся за птицей сын героя дождался трех лебедей, спустившихся с неба, но не может принудить одну из них остаться. Выбранная парнем девушка превращается то в волка, то в черного лося, пуская гром и молнии, чтобы не покориться его воле. Таким образом, с мотива подсказки птицы-ведуньи меняется сюжетная ситуация в повествовании, вводятся дополнительные персонажи (сын героя, небесные лебеди и т.д.).

В записях относительно поздней фиксации улигеров наблюдаются процессы сказительского новаторства: введение мотива машины, летающей по воздуху, плавающей по воде; несколько нестандартно разрабатывается известный фольклорный мотив метаморфозы персонажей: молодые люди, убегающие от погони, трансформируются в жаворонка, собаку, затем обретают снова человеческий облик в образе русских старика и старухи, которые затем почему-то превращаются в бурятских стариков. Изменившиеся современные реалии позволяют исполнителям улигеров в соответствии с их импровизационными возможностями вносить в традиционный сюжет чуждые мотивы и элементы. Подобные приемы обуславливают изменчивость, варьирование и трансформацию сюжетных мотивов эпического произведения, это естественный процесс жизни эпоса во времени.

Персонажи хоринских улигеров

В структуре эпического сюжета можно отдельно выделить блок действующих героев. Прежде всего, персонажный ряд большинства восточно-бурятских эпических произведений характеризуется присутствием мифологических персонажей: небесные девы-лебеди, небожители (владыка неба, Хурмаста тэнгри, Енарий тэнгри), владыки водного пространства (Бая 'Богатый' Лусан; Хара 'Черный' Лусан). Эпическому герою оказывают содействие добрые советчики, функции которых заключаются в оказании ему помощи для достижения намеченной цели: некоторые из них дают полезные советы, одаривают нужным предметом с волшебными свойствами; другие подменяют живую воду на обычную, чтобы избавить его от неверной жены; третьи могут участвовать в его походе за суженой и вступить вместо него в противостояние с противником. Немаловажна роль невесты героя как советчицы в преодолении трудностей – она предостерегает его, как справиться с испытаниями и уберечься от различных козней противников.

Соперниками героя выступают персонажи, участвующие в прохождении свадебных испытаний. Незначительна в развитии сюжета роль нейтральных персонажей (престарелые старик со старухой, нашедшие сундук с умерщвленной сестрой героя; затем либо их сын, либо другой хан, который женится на ней после ее воскрешения). К антагонистам героя относятся мангадхай², его жена и их сын, выходящий из утробы матери (эти персонажи представлены в наиболее древних сюжетах); в более поздних вариантах – враждебный хан; а также женщина-вредительница с острым клювом, железными губами. Особенность подобных персонажей в хоринских улигерах заключается в том, что им не дается индивидуальная характеристика, не приводятся выразительные описания в отличие от западно-бурятской эпической традиции. К ним примыкает персонаж, выведенный в хори-бурятском эпосе как жена-изменница, жена-предательница, привечающая в отсутствие мужа его врага и позже оказывающая всяческое пособничество последнему в их противостоянии. Присутствие подобного мотива относится к архаичному варианту эпоса, возникшему на ранней стадии его сложения, когда еще не существовало парных браков, и женщина была свободна в выборе партнера (А.И. Уланов). Жена, приходя в чужой род, продолжает отторгать некровную дуальную сторону, когда для древнего родового общества была типична антитеза "свой – чужой".

Выводы

Таким образом, сюжетно-мотивные единицы, реализуемые в хоринских улигерах, подчиняются логике раскрытия основных тем эпоса, а также связанного с ними основного сюжетного ядра – поиск суженой / похищенной жены и сватовство / прохождение повторных испытаний. Мотив же, как показал анализ, «есть не только элемент, слагаемое, конструирующее сюжет. В известном смысле эпический мотив программирует и обуславливает сюжетное развитие» [Путилов, 1975, с.149]. Мотив выделяется своей вычленимостью, повторяемостью внутри текста, типологической общностью. Тематически мотивы могут быть представлены в двух разновидностях: «статистические» и «динамические» (Б. В. Томашевский), к первым по функциональной роли в эпосе хори-бурят относятся формальные мотивы, ко вторым – сюжетообразующие мотивы и мотивы, вызывающие дополнительное развитие сюжета. Действующие лица в эпосе хори-бурят, имеющие важное значение для развертывания сюжетной ситуации, занимают две позиции по отношению к главному герою – оказывают содействие или противодействие в достижении намеченной цели.

Список литературы

Агын үльгэрнүүд (Агинские улигеры) / Сост. П. Балданжапов. Улан-Удэ: Бурядайд номой хэблэл, 1961. 127 с. (На бурят. яз.).

Веселовский А. Н. Поэтика сюжетов // Веселовский А. Н. Избранное: Историческая поэтика. М.: РОССПЭН, 2006. С. 535–670.

Ершова И. В. К толкованию эпического мотива (постановка проблемы) // Новый филологический вестник. 2017. № 2 (41). С. 14–20.

Липец Р. С. Образы батыра и его коня в тюрко-монгольском эпосе. М.: Наука, 1984. 264 с.

² Мангадхай – чудовище.

Мэньелтэ Мэргэн (ульгэр) = Мэньелтэ Мэргэн (улигер). Улаан-Удэ: Буряадай номой хэблэл, 1984. 144 н. (На бурят. яз.).

Намжилова М. Н. Хоринские улигеры. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН. 1997. 120 с. (На бурят. и рус. яз.).

Неклюдов С. Ю. Мотив и текст // Язык и культура: Семантика и грамматика. К 80-летию со дня рождения академика Никиты Ильича Толстого (1923–1996) / Отв. ред. С. М. Толстая. М.: Индрик, 2004. С. 235–247.

Путилов Б. Н. Мотив как сюжетобразующий элемент // Типологические исследования по фольклору: сб. статей в память В. Я. Проппа. М.: Наука, 1975. С. 141–155.

Путилов Б. Н. Фольклор и народная культура. СПб.: Петербург. востоковедение, 2003. 457 с.

Руднев А. Д. Хори-бурятский говор. СПб, 1913. Вып. 2.: Тексты. 129 с. (На бурят. яз.).

Силантьев И. В. Поэтика мифа. М.: Языки славянской культуры, 2004. 296 с.

Улигеры хори-бурят / Отв. ред. Ц.-А. Дугар-Нимаев; вступ. ст., подгот. текстов, перевод и примеч. М. Н. Намжиловой. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1988. 174 с. (На бурят. и рус. яз.).

Хулдай Мэргэн. Ульгэр. Даша Чернинов Гунга Чимитов хоёр найруулан бэшэбэ = Хулдай Мэргэн. Улигер. Обработка Даши Чернинова и Гунги Чимитова. Улан-Удэ: Типогр. М-ва культуры БурАССР, 1958. 176 с. (На бурят. яз.).

Хундаева Е. О. Бурятский героический эпос «Гэсэр»: знаковая система, традиции, поэтика: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Улан-Удэ, 1999. 38 с.

References

Agyn yl'gernyyd [Aginsk uligers] P. Baldanzhapov (Comp.). Ulan-Ude, Buryaaday nomoy kheblel, 1961, 127 p. (In Buryat).

Ershova I. V. K tolkovaniyu epicheskogo motiva (postanovka problemy) [To the explanation of an epic motif (A problem statement)]. *The New Philological Bulletin*. 2017, no. 2(41), pp. 14–20. (In Russ.)

Khundaeva E. O. *Buryatskiy geroicheskiy epos "Geser": znakovaya sistema, traditsii, poetika* [Buryat heroic epic "Geser": sign system, traditions, poetics]. Abstract of Dr. philol. sci. diss. Ulan-Ude, 1999, 38 p. (In Russ.).

Khulday Mergen. Yl'ger [Khulday Mergen. The uliger]. Ulan-Ude, Tip. Ministerstva kul'tury BurASSR, 1958, 176 p. (In Buryat).

Lipets R. S. *Obrazy batyra i ego konya v tyurko-mongol'skom epose* [Images of batyr and his horse in the Turkic-Mongolian epos]. Moscow, Nauka, 1984, 264 p. (In Russ.).

Men'elte Mergen (yl'ger) [[Men'elte Mergen. The uliger]. Ulan-Ude, Buryaaday nomoy kheblel, 1984, 144 p. (In Buryat).

Namzhilova M. N. *Khorinskie uligery* [Hori uligers]. Ulan-Ude, BSC SB RAS, 1997, 120 p. (In Russ., in Buryat).

Neklyudov S. Yu. Motiv i tekst [Motif and text]. In: *Yazyk i kul'tura: Semantika i grammatika. K 80-letiyu so dnya rozhdeniya akademika Nikity Il'icha Tolstogo (1923–1996)* [Language and culture: Semantics and grammar. To the 80th anniversary of Academician Nikita Ilyich Tolstoy (1923–1996)]. S. M. Tolstaya (Ed. in Ch.). Moscow, Indirik, 2004, pp. 236–247. (In Russ.).

Putilov B. N. *Fol'klor i narodnaya kul'tura* [Folklore and popular culture]. St. Petersburg, Peterburg. Vostokovedenie, 2003, 457 p. (In Russ.).

Putilov B. N. Motiv kak syuzhetoobrazuyushchiy element [Motif as a plot-forming element]. In: *Tipologicheskie issledovaniya po fol'kloru: sb. st. v pamyat' V. Ya. Proppa* [Typological research on folklore: collection of articles in memory of V. Ya. Propp]. Moscow, Nauka, 1975, pp. 141–155. (In Russ.).

Rudnev A. D. *Khori-buryatskiy govor* [The Hori Buryat dialect]. St. Petersburg, 1913, iss. 2: Teksty [Texts], 129 p. (In Buryat).

Silant'ev I. V. *Poetika mifa* [Poetics of myth]. Moscow, LRC Publishing House, 2004, 296 p. (In Russ.).

Uligery khori-buryat [Uligers of Hori Buryats]. Ts.-A. Dugar-Nimaev (Exec. Ed.), M. N. Namzhilova (Introd. article, text prep., transl. and notes). Ulan-Ude, Buryat. kn. izd., 1988, 174 p. (In Russ., in Buryat).

Veselovskiy A. N. Poetika syuzhetov [Poetics of plots] In: Veselovskiy A. N. *Izbrannoe: Istoricheskaya poetika* [Selected works: Historical poetics]. Moscow, ROSSPEN, 2006, pp. 535–670. (In Russ.).

Рукопись поступила в редакцию

The manuscript was submitted on

31.07.2023

Сведения об авторе

Цыбикова Бадма-Ханда Бадмадоржиевна – кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (Улан-Удэ, Россия)

E-mail: bch58@yandex.ru

ORCID 0000-0003-3672-1566

Information about the Author

Badma-Khanda B. Tsybikova – Candidate of Philology, Leading researcher, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Ulan-Ude, Russian Federation)

E-mail: bch58@yandex.ru

ORCID 0000-0003-3672-1566